

Н.Ю. Андрианова

ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ В РСФСР НА ФОНЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Статья посвящена сравнительному анализу основных принципов формирования школьного образования в РСФСР и УССР в сравнении со школьными системами Англии, США и Японии в указанный период.

Ключевые слова: Наркомпрос, власть, культура, идеология, школа, ценности.

Современные тенденции международной жизни фиксируют активное стремление мирового сообщества к гуманизации социальных процессов, осуждению любых видов насилия и растущей популярности различных форм «мягкой силы». Именно последняя способствует расширению мировой коммуникации на гуманитарных началах, важнейшим из которых было и остается образование.

Современные образовательные системы при всем многообразии и национальных традициях имеют ярко выраженную тенденцию к сближению и интеграции, лучшим примером чему может служить Болонский процесс европейского высшего образования.

Бесспорно, что и школьное образование не может оставаться в стороне.

Традиционно российское образование имело несколько маргинальный характер в силу политических и социально-экономических обстоятельств конца XX – начала XXI в. Но в настоящий период РФ, являясь участником Болонского процесса, не только перестраивает систему высшего образования, но и активно модернизирует школьные программы и модель современной российской школы.

Оставляя в стороне оценочные категории происходящих перемен, предлагаем обратиться к истории становления массового школьного (а с ним и высшего) образования в нашей стране, как известно, продекларированного и реализованного в первые постреволюционные годы и особенно в период культурной революции второй половины 1920-х гг.¹ Как представляется, внимательное изучение существовавших принципов и разработанных на их основе программ позволяет увидеть место и значимость отечественного опыта школьного строительства в несколько ином, мало изученном ракурсе.

Система образования в РСФСР к 1927–1928 гг. имела следующую структуру: дошкольное образование – школы I ступени – школы II ступени (7- или 9-летние), а также школы крестьянской и рабочей молодежи. Далее шли средние учебные заведения и вузы. Соблюдение преемственности каждой ступени было неременным требованием.

К основным проблемам реализации намеченных программ следует отнести: а) финансовую (что очевидно, учитывая события русской истории второго десятилетия XX в.); б) отсутствие необходимого опыта (включая и мировой) в воплощении таких направлений, как дошкольное или массовое среднее, особенно на уровне старшего звена, образование; в) исключительно советскую проблему – отсутствие необходимого количества преподавателей (как в отношении образования, так и в политическом плане, ибо преподавательский корпус старой России в массе своей не был настроен на сотрудничество с новой властью).

Но проблемными были и вопросы самой структуры школьного образования. Особенно остро стоял вопрос о школе II ступени, т. е. старшем звене. При общем низком уровне образования понимание необходимости такового в обществе вообще в первые годы советской власти практически отсутствовало, к тому же во властных структурах в силу различных подходов существовали мнения, что школьное образование должно ограничиваться 7 годами обучения. Главная задача, которую должна была решить школа в эти годы, – ликвидация всеобщей неграмотности и подготовка образованного, в том числе и в политическом плане, работника для реализации модернизационных социально-экономических процессов. Однако вопреки такому утилитарному подходу А.В. Луначарский (и это, как представляется, личная позиция наркома) настаивал на необходимости сохранения установленных изначально 9 лет обучения, поскольку неоднократно подчеркивал, что «одним из измерителей культуры страны является количество годов, затрачиваемых на об-

разование». Поэтому Наркомпрос РСФСР наряду с семилетками учредил девятилетки и полные школы II ступени².

Согласно документам в РСФСР в 1927–1928 гг. существовали школы II ступени двух типов: семилетки, выпускники которых могли поступать в многочисленные техникумы: технические, сельскохозяйственные, медицинские, педагогические и другие, а также пятилетние школы II ступени, которые вместе с I ступенью составляли девятилетку. Из них открывался путь в высшие учебные заведения³.

Общее соотношение школ I и II ступени согласно документам соответствовало одной школе «повышенного типа» на каждые 12 школ I ступени⁴.

Неоднозначная судьба школ старшего звена была решена в их пользу не только благодаря упорству наркома, но и изменившимся к концу 1920-х общественным потребностям. Не только представители немногочисленной образованной части общества, но и широкие слои рабочих и сельских жителей стали все чаще говорить о необходимости полноценного школьного образования для своих детей. Последние нередко добавляли к этому и возможность освоения детьми профессиональных навыков. Поэтому к середине 1920-х гг., когда необходимость в школах II ступени стала очевидной, была проведена своего рода мини-реформа этих школ. В школах II ступени стали вводиться «специальные курсы различных уклонов», основными из которых были «педагогический уклон», счетоводство, бухгалтерия, кооперативное дело, товароведение⁵.

Подобная «профессионализация» школы вводилась не только по требованию родителей, многие из которых не считали нужным или не могли (в силу тех же финансовых проблем) дать своим детям высшее образование, но и потому, что существовала и серьезная объективная причина: до 80% выпускников школ II ступени не могли поступить в вузы из-за несоответствия школьных программ требованиям приемных комиссий вузов. Преодолению этого разрыва должны были помочь созданные сразу же по установлению советской власти рабочие факультеты при вузах. Однако общая тенденция в политике Наркомпроса тех лет заключалась в последующем «выравнивании» школьных программ под требования высшего образования и преодоления существовавшего «разрыва»⁶.

Общие результаты выполнения намеченных программ к концу 1920-х гг. фиксируют следующее положение: из общего количества детей с 8 до 12 лет 4-летним образованием было охвачено до 75%. Наиболее низкие показатели приходились на школы в национальных районах⁷. Поэтому предполагалось, что на большей части

РСФСР введение всеобщего обязательного обучения должно быть закончено в 1932/1933 учебном году. Но с учетом неравномерности данного процесса крайние сроки определялись 1935–1936 гг.⁸

Характерной особенностью образования тех лет была широкая самостоятельность как местных органов власти, так и республиканских наркомпросов в определении методов, путей и содержания образовательных систем своих регионов. Однако в главных подходах и принципах в организации образования противоречий не было. Все республиканские программы в принципе и организационно, и по содержанию ориентировались на российские образовательные программы⁹. При этом существовали и расхождения в понимании и трактовке первостепенных задач образования, что вызывало споры и дискуссии, продолжавшиеся практически все 1920-е гг.

Наиболее острая дискуссия имела место между наркомпросами РСФСР и УССР. Первое обсуждение согласно «Отчету Наркомпроса» РСФСР состоялось в декабре 1920 г. на одном из правительственных совещаний с приглашенными членами X съезда РКП(б). Были заслушаны «доклады Наркомпроса РСФСР и Наркомпроса УССР по... проблемам народного просвещения»¹⁰. В итоге были приняты оба проекта, и каждая республика получила возможность и далее реализовывать намеченные программы.

Повторное слушание проектов систем народного образования РСФСР и УССР было проведено на совещании наркомпросов республик СССР 1 декабря 1923 г. Согласно принятому решению прежнее положение сохранялось, и обе республики могли работать согласно принятым ранее направлениям, поскольку оба подхода не имели идеологических расхождений и были обусловлены «хозяйственными особенностями территорий».

В целом самостоятельность республиканских наркомпросов просуществовала до 1924 г., и только с принятием общесоюзной Конституции 1924 г. советская система образования стала приобретать централизованное начало и общие контуры развития. Как отмечал Луначарский, первоначально таким объединяющим и корректирующим центром стало совещание наркомов всего Союза, как республик, не входящих в федерацию, так и федеративных при Совете Национальностей Центрального Исполнительного Комитета СССР¹¹.

Следует отметить, что опыт УССР на тот момент получил свое развитие и в практиках других республик, например в Белорусской ССР. Поэтому в 1928 г. состоялось еще одно обсуждение существующей проблемы. Из документов можно сделать вывод, что к указанному времени многие расхождения были ликвидированы, но

по ряду вопросов полемика продолжалась. Суть проблемы заключалась в сроках школьного образования и его содержании¹².

База украинского образования включала три основных элемента: политическое, общее и специальное образование, которые должны были «слиться» «в единую систему народного образования»¹³. Общее образование давали школы I ступени и ряд других подобных учреждений, предназначенных для детей от 4 до 15 лет. Его структура включала: а) дошкольные учреждения (дети от 4 до 8 лет), начальную школу или, как тогда принято было говорить, элементарную (1–4 классы) и б) среднюю общеобразовательную (5–7 классы). Все вместе это составляло I концентр на базе 7-летнего образования. Общее образование для украинских детей на этом заканчивалось. Школа II концентра начиналась, когда 15-летние молодые люди поступали в профессиональную школу для обучения тем профессиям, потребность в которых определялась производственными потребностями мест их проживания. Продолжительность данного этапа обучения составляла 2 года. Для детей, которые после 7-летки сразу поступали работать, открывались 4-летние школы рабочей молодежи (фабзавучи), а «для подростков-батраков – школы батрацкой молодежи», также 4-летние¹⁴.

В целом в обеих республиках (РСФСР и УССР) дошкольное и среднее образование продолжалось с 3 (с 4 в УССР¹⁵) и до 17 лет. Но в РСФСР, в отличие от УССР, базой оставалась общеобразовательная 9-летняя школа. Отсутствовала в РСФСР и жесткая профессионализация школы.

Второе, принципиальное различие заключалось в преемственности образования. Если в РСФСР старались выравнивать переходы из одного звена в другое (наиболее слабым местом, как отмечалось, был переход от школьного к вузовскому образованию), то на Украине все ступени даже школьного этапа образования курировались учреждениями разного подчинения и оставались самостоятельными единицами. 7-летнее школьное образование определялось предельно прагматично: «ни 7-летка, ни профшкола не ставят прямой целью непосредственной подготовки в высшую школу: их задача – готовить к жизни. Прошедшие школу соцвоса и профшколу любого типа усваивают все предпосылки, чтобы в соответствующем производстве быстро стать рядовыми квалифицированными рабочими», «прежняя средняя школа как передаточное звено в непрерывной школьной лестнице для трудящихся неприемлема»¹⁶. При этом ограничений для желающих продолжить образования не было, но отмечалось, что следующие

ступени – курсы, техникумы, институты – не взаимосвязаны и представляют форму образования с иной, условно говоря, качественной основой.

В РСФСР поступить в вуз можно было или через рабфаки (такая же система сложилась и на Украине и предназначалась для пришедших с производства молодых людей, не имеющих необходимого среднего образования), или по окончании полной средней общеобразовательной школы на базе 9 лет. На Украине «специалистов высшей квалификации готовили: 1) техникумы (дневные) двух концентров (первый выпускал квалифицированных мастеров производства, а второй – инженеров-практиков); 2) техникумы (вечерние) для высококвалифицированных рабочих; 3) высшие 3-летние педагогические курсы для подготовки педагогов «младших групп соцвоса» (социального воспитания)¹⁷ и 4) институты, дававшие более глубокое теоретическое образование и выпускавшие «администраторов-организаторов»: инженеров, агрономов, экономистов, врачей, педагогов, художников»¹⁸. Но преемственности не было, и по этому поводу в документах подчеркивалось: «техникум не должен быть подготовительным, ибо сам принцип преемственности рассматривался как принцип, «свойственный прежней буржуазной школе». Набор студентов в украинские вузы начинался с достижения ими «14 лет, путем тщательного отбора профсоюзом и партией»¹⁹, т. е. по классовому принципу.

Согласно статистике «всего по Украине (по сведениям Губсоцвосов) к началу 1923 г. имелась следующая сеть учреждений социального воспитания: а) детских садов с 1921 по 1924 г.: 1921 г. – 879 учреждений – 47 136 детей, 1924 г. – 148 учреждений – 7 538 детей; б) школ – на 1 января 1924 г. по всей Украине детей от 8 до 11 лет всего – 3 242 704, из них учащихся: в городах – 362 200, в селах – 1 059 500 (38,62%), всего обучающихся – 1 421 700 (43,84%). К тому же было установлено, что в продолжении с 1924/25 г. по 1928/30 г. все дети от 8 до 11 лет должны быть охвачены 4-летней школой. А к 1924–1925 гг. предполагалось закончить подготовку работы, чтобы с 1925/1926 учебного года начать плановое развертывание школьной сети»²⁰.

Таким образом, как отмечалось в выступлениях руководства Наркомпроса УССР, «к 1924 г. Украинская советская система народного образования выступает как система в основном определенно оформившаяся, имеющая в архитектонике и содержании специфические особенности, отличающие эту систему от советской системы народного образования РСФСР»²¹.

Сопоставим образовательные системы РСФСР и СССР с современными им системами образования в США, Англии и Японии²² по таким вопросам, как:

- программы, цели, задачи и структура образовательной системы;
- социальный состав и количество учащихся каждого звена;
- доступность и платность образования²³.

1. Программы, цели, задачи и структура образовательной системы, роль каждого звена и количество лет обучения.

В США потребность в школьном образовании, как, очевидно, и в большинстве стран указанного периода, была продиктована расширением индустриального производства. Уже с 1909 г. начинается реформа школьного образования с заметным усилением «профессионализации». Для многих учащихся ступень элементарной школы была завершающей, и юноша поступал на работу, «так как именно в 12–15 лет наблюдался самый большой отсев учащихся из школы»²⁴.

В Англии вопросами образования озаботились много раньше, чем в других странах. Начиная с XIV в. там стали открываться грамматические школы. В XIX в. в связи с промышленным переворотом число начальных школ увеличилось. Появились «школы взаимного обучения», где учитель обучал только старшую группу учеников, которые затем передавали знания детям более младшего возраста. Учили в этих школах чтению, письму, счету, как в этот период говорили в США, «3R»: reading, writing, arithmetic. Но переход в индустриальное общество потребовал реформ образования, ибо «без срочных мер в области образования британская промышленность не могла достойно конкурировать с промышленностью других стран, в первую очередь Германии и США»²⁵. Были необходимы квалифицированные рабочие.

В 1870 г. правительство приняло закон об образовании (закон Форстера²⁶), который предусматривал раздел страны на учебные округа для открытия новых школ или усовершенствования старых. Это были начальные школы. К концу XIX в. начальное образование стало общеобязательным²⁷. В 1889 г. был принят еще один закон о техническом обучении. В 1899 г. в Англии и Уэльсе было образовано Ведомство просвещения для руководства начальным, средним и специальным образованием, а в начале XX в. приняты законы, реформировавшие образование. Так, в 1902 г. закон Бальфура²⁸ уравнивал в правах частные и религиозные школы, а в 1918 г. закон Фишера²⁹ разрешил «открывать дошкольные учреждения для детей 2–5 лет» и «увеличить срок образования до 15 лет», но «на практике – до 14 лет»³⁰. В 1924 г. лейбористы рекомендовали создать новый

тип школы – среднюю современную школу – Secondary Modern School, основная задача которой – подготовить грамотных рабочих для производства. Однако широкого распространения эти школы не получили, поскольку были ориентированы на профессионализацию образования и непосредственно образования как такового не давали, отсюда пошло выражение «обрезанное образование».

В целом можно констатировать, что основной структурой школьного образования при всех прочих до 1939 г. в Англии оставался «курс начальной школы», который «считался достаточным» для 84% английских детей³¹.

В Японии образование было призвано решать те же задачи. Вставшая во второй половине XIX в. на путь активной модернизации японская экономика нуждалась в большом притоке квалифицированных работников всех уровней. Именно в это время началось и заимствование опыта США и Европы (Англии, Германии и Франции) по организации среднего образования. Уже в 1870 г. правительство разработало программу среднего образования, а в 1872 г. был утвержден общий кодекс по образованию, предусматривавший создание по одной средней школе в каждой префектуре. Главной задачей этих школ был отбор и подготовка «наиболее способных выпускников обычных средних школ» для дальнейшего «их обучения в императорских университетах». Таким образом, японская средняя школа, превращаясь в промежуточное звено между начальным и высшим образованием, была призвана, во-первых, готовить среднее звено управленцев и квалифицированных специалистов для школ и производства, и, во-вторых, готовить наиболее способных учащихся для университета – будущих специалистов высшего управленческого звена. Поэтому основным назначением средней школы Японии в отличие от западноевропейских систем была подготовка среднего класса в японском обществе. Отсюда брала начало и активная профессионализация японской средней школы. Уже к концу XIX в. в число средних учебных заведений страны входили как обычные средние школы, так и специализированные профессиональные школы: технические, сельскохозяйственные, коммерческие, школы иностранных языков. Помимо них открывались и вечерние школы для работающих³².

Но указ 1919 г. о среднем образовании изменил его значение как промежуточного звена. Школы, как было когда-то, разделили на две категории: обычную со сроком обучения 4–5 лет (возраст 13–18 лет, в этих школах обучалось большинство детей) и повышенную, которая давала возможность поступления в вузы. Кроме того, в обычной школе была введена профессиональная специализация при сокра-

щении срока обучения, дававшая стране подготовленных работников среднего звена в более короткие сроки. Тогда же окончательно сложилась и система вечерних 3-летних средних школ³³.

2. Социальный состав и количество учащихся каждого звена, доступность и платность образования, женское образование.

Бесспорно, во многом благодаря политике «изоляциизма» США имели преимущества в системе школьного образования: школа бесплатна, на ее нужды затрачивалось больше средств, чем в других странах. Поэтому неудивительно, что на рубеже веков американская начальная и средняя школа стала массовой. Интересна и статистика по расходам различных стран в начале XX в. на образование³⁴.

Страна	На войну (дол.)	На образование (дол.)
Франция	4	0,70
Англия	3,72	0,62
Пруссия	2,04	0,50
Италия	1,52	0,36
Австрия	1,36	0,62
Россия	2,04	0,30
США	0,39	1,31

Но массовой в основном оставалась элементарная школа, поскольку из каждой тысячи человек, обучавшихся в 5 классе элементарной школы, среднюю заканчивало лишь 40%. Однако, как представляется, про США первой половины XX в. можно со всем основанием сказать, что это была страна грамотных людей, так как при общем количестве населения около 117 млн человек к 1930 г. в 250 тыс. школ страны насчитывалось 31 млн учеников, что составляло 88% всех детей в возрасте от 7 до 17 лет³⁵.

В Англии, как было сказано выше, промышленный переворот открыл двери в школы детям из низших социальных слоев, а начиная с 1891 г. начальное образование постепенно превращалось в бесплатное. Однако окончательно плата за обучение в начальных школах Англии была отменена только в 1918 г. с введением субсидии на оплату обучения (по 10 шиллингов на ученика), хотя средние муниципальные школы оставались платными по-прежнему.

Возможно, поэтому для большинства англичан образование всю первую половину XX в. ограничивалось рамками элементарной школы, работавшей в режиме «3R»³⁶.

В Японии количество, содержание, функционирование школ строго отслеживались государством. Очевидно, и основное финансирование также поступало из государственных источников, отчего доступ на каждую ступень образования строго регламентировался и предусматривал жесткую фиксацию типа средней школы и последующую ступень образования. При этом повышенное среднее образование для университетов давали только пять гимназий, управлявшихся министерством просвещения и финансировавшихся из государственной казны.

В целом к концу Первой мировой войны необходимость в специалистах со средним и высшим образованием в сфере гражданской службы, банковского дела, бизнеса, армии заметно возросла, что заставило японское правительство пойти на увеличение числа школ. Согласно статистике в 1908 г. работало 290 школ с числом студентов 115 038, а к 1927 г. их количество увеличилось до 317 с числом студентов 131 946.

В первой четверти XX в. государственный подход к системе образования не изменился, в 1920-х гг. был установлен жесткий порядок вступительных экзаменов в среднюю школу, поэтому согласно документам не более 50% желающих могли продолжить образование. Так, в 1913 г. из 70 131 абитуриента поступило 34 088, т. е. 48,61%. А в 1923 г. из 155 610 человек только 69 846 – 44,99%. Таким образом, создавались, как говорили сами японцы, «узкие ворота средних школ». К тому же был принят секретный кондуит, который содержал не только оценки, полученные учеником на протяжении всего периода обучения в начальной школе, но и характеристику его поведения и личности, все его поступки и достижения. Этот документ передавался из школы в школу, минуя учеников и их родителей. В 1917–1919 гг. была проведена реформа в средних школах повышенного типа, что привело к их разделению, и возникла селекционная связь: школа – университет³⁷.

За 1913–1928 гг. изменился и социальный состав учащихся: уменьшилось число детей из помещичьих семей с 30 до 10%, но увеличилось количество учащихся из торговых семей с 20 до 30% и семей чиновников с 20 до 34%. По мнению специалистов, увеличение числа детей из определенных социальных слоев определялось доходами семьи. Но в эти годы деньги требовались в первую очередь на оплату дополнительных репетиторов, поскольку традиционно уровень знаний, получаемый в обычных средних школах Японии,

был низким, отчего при вузах создавались подготовительные или дополнительные курсы, что в целом проблемы не решало³⁸.

Таким образом, можно констатировать, что повышение внимания к образованию носило объективный характер и во всех рассмотренных странах было теснейшим образом связано с процессом модернизации в рамках перехода к индустриальному обществу. По сути те же тенденции имели место и в советских республиках. Но, как представляется, советские программы по своим целям и задачам были призваны не только обучать, но и формировать новую мировоззренческую основу. Школа должна была совмещать функции обучения и воспитания. Именно школа закладывала фундамент для формирования «нового человека» и новой социальной модели в целом. Как представляется, не будет ошибочным утверждение, что тенденции советского образования в своей практической части совпадали с общим развитием образования в США, Англии, Японии.

В то же время авторитаризм образовательной системы Японии оказался сродни советским тенденциям. В обеих системах велика была роль государства и государственной идеологии. Но в отличие от японского подхода советское государство предусматривало целостность и преемственность образования на всех ступенях (до конца 1920-х гг. – в рамках РСФСР и Закавказских республик). В этом же заключалось отличие советского образования и от западных систем, где общедоступной и массовой оставалась только начальная школа³⁹.

В вопросе финансирования бесспорным лидером были США, ранее многих других государств сделав свою элементарную и среднюю школу бесплатными. Остальные системы опирались или, как в большинстве западных стран, на местные бюджеты и соответственно местные налоги, или, частично ограничивая количество обучающихся на каждой последующей ступени образования, получали основные средства из государственной казны, но при этом были жестко регламентированы содержательно и идеологически, как в Японии. В этом плане советская система 1920-х гг. представляется своего рода экспериментальной площадкой, которая в своей работе пыталась объединить все названное выше, но под иным углом или в несколько ином формате. Провозглашая принцип общедоступной, равной и бесплатной школы, советская власть в той социально-экономической и политической ситуации, в какой она оказалась в 1917–1918 гг. и до конца 1920-х гг., реализовать его за счет государства не могла, как не могла, «не теряя лица», отказаться от него совсем.

Этим, как думается, и был вызван декрет 16 сентября 1921 г., позволявший частичное добровольное финансирование школ за счет местных налогов, которые население в массовом порядке отказывалось выплачивать⁴⁰. Возможно, еще и поэтому местным советам передавались столь важные вопросы, как содержание школ и зарплаты учителей. Но для режима «диктатуры пролетариата» во много раз желательнее была централизация управления и финансирования, посредством которой было легче и лучше контролировать качество образования, влиять на учителей и находиться с ними в более тесном контакте. Однако нищета и разруха первых лет не позволяли Наркомпросу реально соединить все нити в своих руках.

Таким образом, советское образование было общедоступно, массово (постепенно) и бесплатно (постепенно) и искало свой путь, особенно в первые годы.

И, завершая, следует отметить, что политика Наркомпроса РСФСР в определении и реализации целей и задач советского образования в 1917–1920-х гг. представляется наиболее последовательной, перспективной и гуманистической. Только в РСФСР была предложена подлинная системность и преемственность каждой ступени образования. Ни одна школа мира такую систему в столь масштабном освоении в начале XX века не имела и не декларировала. Даже весьма успешные США не решались заявить о своей готовности обеспечить одному человеку бюджетным образом возможность учиться в общей сложности 20 лет: с детского сада (с 3 лет) и до окончания вуза (22–23 лет). Бесспорно, Наркомпрос РСФСР, заявляя и реализуя эту систему, становился мировым лидером в системе образования. Именно в РСФСР впервые школа превращалась в общедоступную, что имело место только в наиболее демократически развитых странах, прежде всего, в США, а также закреплялся тип средней школы как общеобразовательной 9-летней. И в этом позиция Наркомпроса РСФСР представляется более правильной и фундаментальной. Опыт Украины был легче реализуем и практичен, обладал меньшей «затратностью», однако позиция Наркомпроса РСФСР была наиболее обоснована с точки зрения «возвратности» образования. Нельзя не согласиться с Луначарским, что годы, занятые образованием, – это годы обретения. Личность ребенка формируется под воздействием достижений общемировой культуры, получая тем самым некий культурный код, меняющий не только ребенка – юношу, но через него и все общество.

-
- ¹ Подробнее см.: *Андрианова Н.Ю.* Роль Наркомпроса как идеологического центра в Советской России (1917–1920 гг.) // Вестник РГГУ. 2014. № 7 (129). Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 245–255.
- ² РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 200. Л. 8.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 5.
- ⁶ Там же. Л. 1, 4.
- ⁷ Там же. Л. 7.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Культурная жизнь в СССР: 1917–1927. Хроника / Сост. Л.В. Иванова, М.Б. Кейрим-Маркус, Р.А. Кленова и др. М.: Наука, 1975.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 7.
- ¹¹ Там же. Д. 203. Л. 3.
- ¹² Подробнее см.: *Марков В.Н.* Советская система народного образования УССР (материалы к истории развития системы народного образования УССР). Саратов: Крайпросторг, 1928. С. 41–46.
- ¹³ Там же. С. 41.
- ¹⁴ Там же. С. 46–47.
- ¹⁵ Как отмечено в документах по этому поводу, 4 года как начало дошкольного периода определялось на Украине «практическим характером»: подробнее см.: Там же. С. 52–53.
- ¹⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 53–54.
- ¹⁹ Там же. С. 48.
- ²⁰ Там же. С. 35, 37.
- ²¹ Там же. С. 41.
- ²² Для анализа были взяты данные по системам образования США, Англии и Японии, как представляется, одних из наиболее развитых в политическом и социально-экономическом плане государств и, возможно, более успешных после трудных лет Первой мировой войны.
- ²³ Материалы для анализа были взяты из книг: *Гончаров Л.Н.* Школа и педагогика США до Второй мировой войны. М.: Педагогика, 1972; *Аранский В.С., Лапчинская В.П.* Система народного образования в Англии. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961 (К сожалению, более поздних работ по этим странам, позволяющих получить статистические и иные данные по проблемам данной статьи, найти не удалось.); *Лим С.Ч.* История образования в Японии (конец XIX – первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2000.
- ²⁴ *Гончаров Л.Н.* Указ. соч. С. 201.

- ²⁵ Аранский В.С., Лапчинская В.П. Указ. соч. С. 13.
- ²⁶ Форстер Вильям Эдуард – английский политический деятель, принимавший «деятельное участие в реформе народного образования удачной защитой “Elementary Education Bill” (1870)». См.: Форстер Вильям Эдуард // Академик [Электронный ресурс]. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/108326/Форстер (дата обращения: 03.02.2015).
- ²⁷ Аранский В.С., Лапчинская В.П. Указ. соч. С. 13.
- ²⁸ Артур Джеймс Бальфур – с 1902 г. 50-й премьер-министр Великобритании.
- ²⁹ Герберт Алберт Лоренс Фишер – «английский историк и государственный деятель <...> в 1916 стал членом парламента от либеральной партии и возглавил министерство образования (до 1922). В 1918 г. по инициативе Фишера был принят закон об образовании, которым, в частности, учащимся до 14 лет было запрещено оставлять школу». См.: Фишер Герберт Алберт Лоренс // Академик [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/4645/ФИШЕР (дата обращения: 03.02.2015).
- ³⁰ Аранский В.С., Лапчинская В.П. Указ. соч. С. 17.
- ³¹ Там же. С. 18.
- ³² Лим С.Ч. Указ. соч. С. 196.
- ³³ Там же. С. 222.
- ³⁴ Гончаров Л.Н. Указ. соч. С. 130. Данные таблицы автор приводит по: Brandt F.B. Advanced Thinking in American Education, 1895–1920. Camden, NJ, 1935. P. 117.
- ³⁵ Гончаров Л.Н. Указ. соч. С. 202. Статистика по: Journal of the National Education Association. 1928. Vol. 17. № 7. P. 230.
- ³⁶ Аранский В.С., Лапчинская В.П. Указ. соч. С. 18.
- ³⁷ Лим С.Ч. Указ. соч. С. 222–223.
- ³⁸ Подробнее см.: Там же. С. 224.
- ³⁹ Собственно, в 1920-х гг. и во всех советских республиках массовой и всеобщей была начальная школа, но общий тренд позволяет говорить об этом как о временном явлении переходного периода.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.